

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Попов Н.А. Материализм как мировоззренческая позиция. Статья вторая: о недостающем требовании к научным теориям и мировоззренческой уязвимости основных идей неклассической физики // Философия и культура. 2024. № 4. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.4.70027 EDN: XQDWY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70027

Материализм как мировоззренческая позиция. Статья вторая: о недостающем требовании к научным теориям и мировоззренческой уязвимости основных идей неклассической физики

Попов Николай Андреевич

кандидат философских наук

Философ-материалист

LV-1057, Латвия, г. Riga, ул. Lokomotives, 64, кв. 10

✉ n_porov@inbox.lv

[Статья из рубрики "Философия науки"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2024.4.70027

EDN:

XQDWY

Дата направления статьи в редакцию:

02-03-2024

Дата публикации:

17-04-2024

Аннотация: Предметом данного исследования является материализм, понимаемый в самом широком смысле этого понятия: и как философское учение, и как образ жизни, соответствующий определённой мировоззренческой позиции. Целью является выяснение объективной роли этой мировоззренческой позиции в различных областях человеческой деятельности. В центре исследования стоит вопрос о сущности материалистических представлений о мире, скрывающемся за чувственно данной человеку реальностью. Исследование состоит из двух частей, публикуемых отдельными статьями. Первая часть посвящена истокам материалистического мировоззрения и основного вопроса философии, а в данной, второй её части, рассматривается вопрос о

философских проблемах неклассической физики, выявляется корень этих её проблем, проводится сравнительный мировоззренческий анализ основных представлений классической и неклассической физики и подводятся общий итог проведённого исследования. Методологией данного исследования является принцип материалистического монизма, согласно которому в основе абсолютно всех явлений познаваемого человеком мира может лежать только нечто материальное, "воздействующее". Общие выводы данного исследования таковы: корни материалистического мировоззрения уходят к истокам жизни, к такому условию успешной жизнедеятельности живых существ, которое по своей сути является мировоззренческим; это условие, названное автором Основным Вопросом Жизни, является исторической предтечей Основного Вопросы Философии; мировоззренческая позиция, равнозначная материалистическому решению ОВФ, присуща жизнедеятельности абсолютно всех живых существ; все люди в своей повседневной и практической деятельности являются прирождёнными материалистами. Кроме того, в данном исследовании уточняется представление о сущности материалистического учения; показывается исключительность материалистического мировоззрения как единственно верного мировоззрения; даётся уточнённое определение понятия материи; доказывается необходимость смещения "центра тяжести" современного материалистического учения с диалектики на принцип материалистического монизма; формулируется недостающее требование к научным теориям для обеспечения их мировоззренческой жизнеспособности; показывается мировоззренческая несостоятельность основных идей новой, неклассической физики.

Ключевые слова:

материя, материализм, диалектический материализм, основной вопрос философии, основной вопрос жизни, мировоззренческая позиция, принцип материалистического монизма, реальность, объективная реальность, философские проблемы физики

Введение.

Представляемая вниманию читателей статья является второй частью исследования такого непростого явления, которое скрывается за понятием «материализм». В предыдущей части этого исследования было показано, что материализм – это далеко не только философия. Корни материализма лежат в мировоззренческом условии выживания живых существ, связанном с признанием внешнего, независимого ни от какого сознания мира, в котором всё существующее проявляет своё существование путём взаимодействия со своим окружением. При этом отнюдь не надуманным или случайным является и так называемый основной вопрос философии. Он своими корнями уходит к вопросу, названному автором Основным Вопросом Жизни, который состоит в том, как живому существу реагировать на испытываемые им ощущения: либо как на то, что является результатом внешнего воздействия, либо как на то, что никак не связано с существованием и воздействием внешних факторов. А благодаря естественному отбору этот вопрос всеми живыми существами решается в ходе их жизнедеятельности исключительно в соответствии с материалистической мировоззренческой позицией. На основе всеобщего стихийного признания внешнего мира, независимого ни от какого сознания, возникла и соответствующая философия – материалистическая. В ходе проведённого исследования очень важно было прийти к осознанию истоков такой стихийной уверенности всех людей. Как и к осознанию того, что представление о

материи вырабатывалось на основе как раз указанных представлений о мире. При этом ясное осознание неразрывной связи объективности познаваемого человеком мира с его материальностью позволяет перейти к этапу осознания необходимости учёта в научной деятельности человека не только объективности, но и материальности этого мира.

О недостающем требовании к научным теориям и недооценке принципа материалистического монизма.

Как подчёркивал А. Эйнштейн, выражая господствующее мнение учёных, «вера в существование внешнего мира, независимого от воспринимающего субъекта, лежит в основе всего естествознания» [\[1, с. 136\]](#). При этом в отношении теоретиков он считал, что «исследователь должен вывести у природы чётко формулируемые общие принципы, отражающие определённые общие черты совокупности множества экспериментально установленных фактов» [\[2, с. 5 - 6\]](#). И со всем этим можно только согласиться. Однако разве достаточно при этом опоры только на факты? Ведь возможен и дефицит фактов, и избирательный их подбор, и различное их толкование-объяснение в угоду провозглашаемым принципам. Отсюда закономерный вопрос: какому ещё требованию, кроме соответствия фактам, должны соответствовать научные теории для того, чтобы они, неизбежно выходя за рамки отдельных фактов, не выходили при этом за рамки соответствия позиции признания внешнего мира (лежащей, как было показано в первой части данного исследования, в основе выживаемости как отдельного человека, так и человечества в целом) и тем самым не толкали науку на путь заблуждения?

И ведь далеко ходить за ответом на него вовсе не требуется. Достаточно очевидно: для того, чтобы научные теории не выходили за рамки соответствия позиции признания внешнего мира, они должны быть совместимы с той основой этого мира, благодаря которой этот мир и независим ни от какого сознания, т.е. объективен в самом широком смысле этого понятия. А такой его основой, «гарантирующей» и объективность его существования, и его познаваемость с помощью органов чувств и приборов, является не что иное, как материальность всех его объектов и процессов. Именно материальность как свойство проявлять своё существование путём взаимодействия и взаимного изменения как раз и позволяет им «определять всё своё поведение» совершенно независимо ни от какого сознания и при этом «сообщать» о своём существовании познающему мир субъекту. Более того, своей материальности познаваемый человеком мир (составной частью которого является и человек) обязан ещё и общими закономерностями проявления всех проявляемых в нём свойств и характеристик. Ведь материальность всех его объектов и процессов означает, что всеми своими свойствами и внешними характеристиками, проявляемыми при взаимодействиях, они обладают ДО их проявления-наблюдения (иначе проявлять-наблюдать было бы просто нечего). Т.е. все свойства и характеристики в этом мире присущи САМИМ носителям этих свойств и характеристик в качестве неотъемлемой стороны их существования, причём присущи им в нераздельном единстве своей качественной и количественной определённости (предопределяющей однозначную определённую любого взаимодействия-взаимоизменения). Всё это и находит выражение в общих закономерностях проявления ими своих свойств и характеристик (например, в такой закономерности их проявления, как их одинаковость для различных наблюдателей и их систем наблюдений-измерений, с которой, как показано в статье [\[3\]](#), несовместимы основные положения СТО А. Эйнштейна. Более же подробно о таких закономерностях пойдёт речь в следующей части статьи).

Но из сказанного следует, что *создаваемые на основе фактов научные теории о*

внешнем мире, познаваемом с помощью органов чувств и приборов, только в том случае будут соответствовать своим содержанием признанию объективности этого мира, если это их содержание будет совместимо с признанием его материальности. Таково недостающее требование к научным теориям, вытекающее из осознания роли материальности познаваемого человеком мира в его объективности, сенсуалистичной познаваемости и присущих ему закономерностях проявления всех свойств и характеристик. Требование, позволяющее и на высшем уровне познавательно-приспособительной деятельности человека оставаться в рамках соответствия мировоззренческому условию успешной жизнедеятельности. При этом отметим, что за употребляемыми в данном исследовании понятиями «познаваемый человеком мир», «внешний мир», «объективный мир», «природа» и «материальный мир» скрывается одно и то же. Всё это – синонимы для обозначения всего того, что скрывается за чувственно данной человеку реальностью, возникающей в деятельности человеческого мозга в результате воздействия на человека внешних факторов.

А для обеспечения указанной совместимости теорий с признанием материальности и тем самым объективности познаваемого человеком мира имеется и надёжное средство, надёжный ориентир в лице *принципа материалистического монизма*. Принципа, требующего не только соответствующего решения ОВФ, но и неуклонного следования такому его решению, поскольку «монизм означает требование его строго однозначного решения, предполагающего признание примата либо *материи* над *духом*, либо *духа* над *материей*, с последующим выводением одного из этих начал из другого... Это требование решительно исключает все и всякие проявления дуализма, который, с т. зр. монизма, представляется как простая непоследовательность, допущенная при решении главной мировоззренческой проблемы, как полная неспособность определённо решить её или как желание уклониться от такого решения» [\[4, с. 489\]](#). А как было отмечено В. И. Лениным, «Энгельс показал на примере Дюринга, что сколько-нибудь последовательная философия может выводить единство мира либо из мышления... либо из той объективной реальности, которая существует вне нас, давным-давно называется в гносеологии *материей* и изучается естествознанием» [\[5, с. 169\]](#).

Но именно строгой последовательности в проведении линии материалистического монизма диалектическому материализму и не хватало. Распространённое мнение, будто «последовательный материалистический монизм характерен для диалектического материализма, исходящего из того, что мир по своей природе материален, что все явления в мире производны от движущейся материи» [\[6, с. 406\]](#), представляется ошибочным, ибо на самом деле имело место всего лишь провозглашение этого принципа, причём произошедшее как-то мимоходом, в разговоре об объективности пространства и времени и в форме, вызывающей определённое недоумение. Соответствующее ленинское высказывание гласит: «В мире нет ничего, кроме движущейся материи, и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени» [\[5, с. 171\]](#). Но, во-первых, разве в мире и в самом деле нет ничего, кроме движущейся материи? Разве идеальные, духовные явления – не от мира сего? Или они тоже представляют собой движущуюся материю? Т.е. не является образцом научной строгости уже сама форма провозглашения принципа материалистического монизма. А во-вторых, в этом высказывании пространство и время предстают не как нечто производное от движущейся материи, а в качестве неких внешних по отношению к ней условий её движения, в качестве неких дополнительных к движущейся материи сущностей, обеспечивающих возможность её движения. Такая форма провозглашения принципа материалистического монизма отнюдь не способствовала его признанию. А в результате

этот принцип диамата так и оставался всего лишь провозглашённым. До полного доверия к нему и широкого использования дело не доходило.

А ведь на материальность общей основы всех явлений познаваемого человеком мира указывал ещё Ф. Энгельс, утверждавший, что «действительное единство мира состоит в его материальности, а эта последняя доказывается не парой фокуснических фраз, а длинным и трудным развитием философии и естествознания» [7, с. 43]. Однако, как представляется, убедительности, доказательности всё же не хватало и этому тезису диамата, *по своей сути являющемуся всего лишь оборотной стороной принципа материалистического монизма*, его смысловым эквивалентом. О какой доказанности материального единства мира со стороны философии и естествознания может идти речь, если фактически все вопросы естествознания решались на основе признания всего лишь объективности познаваемого мира, а её глубинная и неразрывная связь с его материальностью как условием его объективности ещё не была чётко обозначена философией? И в той, и в другой области познания мира его материальность заслонялась его объективностью. Уверенности в том, что в основе абсолютно всех его явлений и в самом деле лежит только нечто материальное, не доставало. К тому же и этот тезис диамата интерпретируется в философской литературе тоже не лучшим образом. Согласно, например, одной из современных философских энциклопедий, «...единство мира заключается в том, что все предметы и явления в мире представляют собой различные состояния и свойства движущейся материи... В мире нет ничего, что не было бы конкретной формой материи, её свойством или проявлением свойств и взаимосвязей» [6, с. 215]. Но разве может какое-то нематериальное явление (духовное, идеальное) быть конкретной формой или состоянием материи, её свойством или проявлением свойств? Чем же тогда оно отличается от материального?

На самом деле идеальное *качественно* отличается от всего материального. Что, однако, несколько не мешает идеальному иметь материальные корни. Как показано в статье [8] на примере работы автоматических дверей, формой присутствия идеального в материальном мире является *соответствие поведения самоуправляемых систем этого мира каким-либо целям, знаниям и другим «духовным» установкам*, которое обеспечивается материально обусловленной способностью этих систем учитывать устойчивые связи и зависимости одних материальных факторов от других. Мозг такой системы, проявляя указанную способность (без которой невозможна никакая управленческая деятельность), тем самым неизбежно привносит в свою управленческую деятельность идеальные явления. Как видим, функционирование самоуправляемых материальных систем (представленных в природе живыми существами) *принципиально невозможно без идеальных явлений* в работе их органов самоуправления. Т.е. на самом деле никакого непримиримого антагонизма между материальным и идеальным, порождающего у многих философов недоверие к принципу материалистического монизма, нет.

Однако, как представляется, мешала доверию к принципу материалистического монизма не только нерешённость вопроса о механизме появления идеального в материальном мире, но и недостаточная ясность в вопросе о том, что же именно скрывается за главным для материалистов понятием материи. Ленинское определение материи, которым руководствуется диамат (и которое, несомненно, является важной вехой в развитии материализма), всё же требует уточнений. В нём утверждается: «...Материя есть то, что, действуя на наши органы чувств, производит ощущение; материя есть объективная реальность, данная нам в ощущении» [5, с. 141 - 142].

Но, во-первых, действует на что-либо не материя, а нечто материальное, т.е. её конкретный представитель, в этом своём воздействии как раз и проявляющий свою материальность. Потрогать и ощутить можно только нечто материальное, но никак не материю, ибо за понятием материи скрывается всего лишь продукт абстрагирования, представленный словесным образом носителя одной-единственной характеристики - «то, что действует на органы чувств», в то время как потрогать можно только такого носителя этой характеристики, который обладает и множеством других характеристик, обязательно присущих всему конкретному, единичному, только которое и может воздействовать на что-либо. Это, как отмечалось многими философами-материалистами, такое же абстрактное понятие, как понятие человек. Однако в учебниках диалектического материализма это обстоятельство так и не нашло отражение. (А такие неточности, недоработки, позволяли, между прочим, приписывать материализму то, что внутренне ему совершенно не присуще. Например, Г. Д. Левин на страницах Новой философской энциклопедии преподносит материализм следующим образом: «Материализм утверждает, что в основе качественного разнообразия мира лежит абсолютно однородная первоматерия» [\[9, с. 508\]](#). Игнорируя мнение материалистов, понимающих под материальностью самое общее свойство всего того, что доступно органам чувств и приборам, он преподносит материализм в качестве такого учения, в котором материя считается «субстанцией всех вещей» [там же].) А с другой стороны, подобно тому, как любой конкретный человек всего лишь *является* человеком, но не *есть* человек (ибо обладает не только общими для всех «человеков» характеристиками), так и всё то конкретное, что действует на органы чувств, не *ЕСТЬ* материя, а всего лишь *ЯВЛЯЕТСЯ*, выступает, оказывается материей; оказывается тем, к чему применима выделенная философами с помощью понятия материи характеристика «то, что действует на органы чувств» (более же подробно о разнице между «есть» и «является» - в статье [\[10\]](#)). Т.е. отождествлять материю с тем, что действует на органы чувств – значит неявно отождествлять абстрактное с конкретным.

Во-вторых, столь же опрометчиво отождествление материи и с объективной реальностью, поскольку продукт абстрагирования имеет только субъективную, словесную форму выражения и потому может присутствовать только в человеческом сознании (подобно тому, как только в человеческом сознании присутствует абстрактный человек-вообще).

А в-третьих, дело не только в недостаточной строгости ленинского определения материи, но и в его односторонности и узости, связанной с его антропоцентричной *сенсуалистичностью*. Ведь на самом деле всё материальное действует не только на органы чувств, а вообще на всё своё окружение, способное к взаимодействию. Что и позволяет всему материальному проявлять своё существование совершенно независимо ни от сознания познающего мир субъекта, ни от какого-либо общемирового сознания. Из чего следует, что только при таком – уточнённом, более широком и глубоком – понимании материальности становится заметной неразрывная связь материальности существования с независимостью этого существования от *любого* сознания. Более того, обнаруживается при этом и *внутренний источник саморазвития* материального мира. А не видя всего этого, очень трудно было избавиться от тени недоверия к принципу материалистического монизма.

Объективно же необходимость в *осознанно выбранном* средстве учёта материальности познаваемого человеком мира назрела в науке давно. Особенно в физике. И это несмотря на то, что вся классическая физика развивалась в русле именно материалистического представления о мире. Дело в том, что обеспечивалась эта её верная мировоззренческая направленность не чем иным, как всего лишь стихийно

сложившимся в ней стилем мышления, содержащим такие общие представления о познаваемом человеком мире, которые в целом соответствовали его закономерностям, предопределённым его материальностью. Таковы, например, следующие представления: все свойства и характеристики тел и процессов познаваемого человеком мира одинаковы для всех наблюдателей, и в качественном, и в количественном отношении; все изменения в мире являются результатом физического, силового взаимодействия, при котором одни и те же причины порождают одни и те же следствия; всё в мире происходит обязательно где-то и когда-то, а одновременность событий имеет абсолютный характер. Эти воплотившиеся в стиль классического научного мышления представления о мироустройстве и задавали верную мировоззренческую направленность классической физики, не требуя при этом ни от кого ответа на вопрос, что первично – материя или сознание. Материалистическая направленность суждений этой физики была самым естественным образом вплетена в сам ход этих суждений. Однако стихийно сложившийся и потому уязвимый со стороны своей обоснованности стиль научного мышления в конечном счёте не смог предотвратить появления таких «революционных» идей, которые несовместимы с указанными представлениями о мироустройстве. Тем более, что и новые идеи появились тоже под флагом признания внешнего мира. А в результате недостаточно обоснованные классические представления о мире были объявлены предрассудками своего времени. При этом физика оказалась фактически вообще без какого-либо средства учёта материальности познаваемого ею мира. И произошло это в условиях «завоевания физики духом математики» [\[5, с. 300\]](#), который находит выражение в полном безразличии к происхождению носителей всех тех свойств и характеристик, величины которых фигурируют в математических уравнениях. Этот её дух и позволял физикам не интересоваться «мнением» самих носителей свойств при выдвижении различных гипотез о характере проявления этих свойств. А ведь характер-то этот предопределён *материальностью* «проявителей» тех или иных свойств! Следовательно, перед физикой стоит задача вернуть себе дух, чуткий к материальности познаваемого человеком мира. А в условиях отказа от классического стиля научного мышления сделать это можно только на основе принципа материалистического монизма. Принципа, обладающего неистощимым эвристическим потенциалом.

Причём в неистощимости этого потенциала автор убедился на собственном опыте. И прежде всего - при решении многовековой проблемы сущности времени (которое представлено в статье [\[10\]](#) и в котором показано, что производность времени от материальных процессов нисколько не мешает ему быть независимым от конкретных характеристик этих процессов). Но на этот же принцип автор опирался при решении и другой важной философской проблемы - проблемы происхождения идеального и духовного в материальном мире (о чём подробно в статье [\[8\]](#)), напрямую связанной с психофизической проблемой. Помог автору материалистический монизм и во многих других случаях: и при решении проблемы свободной воли в условиях однозначного детерминизма (смотрите [\[там же\]](#)); и при решении проблемы абсолютной предопределённости событий (смотрите [\[там же\]](#)); и при выявлении природы случайности и вероятности событий (смотрите [\[там же\]](#)); и при доказательстве ошибочности «информационной» картины мира (смотрите [\[11\]](#)); и при обнаружении целого класса «квазиобъективных» явлений, ошибочно приписываемых объективной реальности (смотрите [\[10\]](#)); и при доказательстве ошибочности широко распространённого мнения об относительности свойств (смотрите [\[3\]](#)); и при философском анализе СТО и ОТО А. Эйнштейна (смотрите [\[там же\]](#)). От этого же принципа автор отталкивается и в данном исследовании.

Однако до всеобщего осознания истинной роли философского материализма в познавательной деятельности человека ещё далеко. Тем более в условиях гипнотического воздействия на российских философов выпестованной архитекторами злополучной перестройки иллюзии некой внутренней ущербности той философии, которая в Советском Союзе была официально признана единственно научной. Так, уже упоминаемый нами Г. Д. Левин на страницах энциклопедии, изданной под эгидой ИФ РАН, утверждает: «Задача объяснить мир в целом из самого себя, поставленная материализмом, естественна и потому чрезвычайно трудна для реализации. Последовательный субъективный идеалист, солипсист, объявляет существующим только своё собственное сознание, тем самым снимая вопрос об его отношении к внешнему миру. Объективный идеалист, признавая объективный мир, сохраняет проблему, но решает её посредством своего рода круга: сознание субъекта выводит из внешнего по отношению к нему мира, а этот последний – из "мировой идеи". Дуалист, утверждая взаимную независимость материального и идеального, обходит проблему за счёт отказа от одного из основополагающих научных принципов – монизма. Но за эту "интеллектуальную честность" материализм платит дорогую цену. Именно глобальностью программы материализма, нежеланием упростить её, объясняется немногочисленность полученных в её рамках выдающихся научных результатов и, как следствие, немногочисленность великих материалистов в истории философии. Отсюда же и попытки принять желаемое за действительное, объявить программу материализма реализованной, так дискредитировавшие диалектический материализм» [\[9, с. 508\]](#). Однако на самом деле ни в каких «программах материализма» задача объяснить весь мир из самого себя никогда не ставилась. Задача материализма всегда состояла лишь в том, чтобы при объяснении наблюдаемых человеком явлений исходить из материальности, а не какой-либо духовности, мира, представленного этими явлениями. И эта задача решалась и решается материализмом (включая стихийный) - в лице материалистически мыслящих представителей всего естествознания и на протяжении всей истории естествознания - вполне успешно! А потому говорить о какой-то немногочисленности полученных в рамках материализма выдающихся результатов и, как следствие, немногочисленности великих материалистов в истории науки (которая далеко не ограничивается рамками философии) может только тот, кто ещё не дошёл до осознания сути материализма, формах его присутствия и его роли во всех областях и на всех уровнях научной деятельности. На самом деле всё как раз наоборот, ибо для человека и человечества имеют настоящую ценность только такие творения человеческого разума, которые позволяют человеку как можно лучше приспособиться к тому миру, в котором он живёт и который благосклонен только к тем, кто относится к нему как к такому миру, который существует независимо ни от какого сознания и в котором все свойства проявляются путём взаимодействия их носителей. Но примечательно и то, что данное высокомерное суждение о материализме делается с убогой для философа позиции стихийного материализма.

Это всего лишь иллюзия, будто естествознанию достаточно того, что представлено органами чувств и показанием приборов. Иллюзия, проявившаяся уже в ньютоновском призыве к физикам избегать метафизики, а в XIX веке воплотившаяся в учение позитивизма. На самом деле в основе естествознания лежит ещё и *определённое мировоззренческое отношение* ко всему тому, что представлено органами чувств и дополнено приборами. То отношение, которое соответствует признанию внешнего мира, воздействующего на органы чувств и приборы, и которое принято называть материалистическим мировоззрением. Только недостаточная осознанность присутствия этого мировоззренческого отношения создаёт указанную иллюзию. При этом

позитивисты, призывая «изгнать» философию из науки, просто не замечают того, что все науки о природе, отождествляемой с внешним миром, воздействующим на органы чувств и приборы, можно сказать, по определению «насквозь пропитаны» материалистическим мировоззрением. Даже на стадии описания наблюдаемых явлений, поскольку эти явления признаются объективными и отражаемыми с помощью органов чувств и приборов. Как не замечают и того, что наука в своём развитии принципиально не может ограничиваться наблюдениями и опытами, поскольку всё же главной её функцией является проникновение к сущности явлений и обнаружение неких общих принципов мироздания. А потому на её высшем, теоретическом уровне конкретика неизбежно сменяется абстракциями и глобальными обобщениями, носящими мировоззренческий, философский характер. С позиции этой философской парадигмы вершины науки и осуществляется организация деятельности всех её нижних этажей. А потому очень важно, чтобы и тут, в этой общенаучной парадигме (формирующей научную картину мира, но в значительной мере подверженной влиянию идей *ad hoc*) была отражена, причём в качестве *инварианта*, та мировоззренческая позиция, которая лежит в основе всего естествознания и которая неотделима от признания материальности познаваемого человеком мира. А значит, неотделима от присущих этому миру закономерностей, обусловленных этой его материальностью. Учением же о таких его закономерностях является философия материализма. Поэтому «изгонять» из науки следует не вообще философию, а такие философии, которые никоим образом не совместимы с признанием материальности описываемого в них мира. И именно к таким философиям относятся ленинские слова: «Гениальность Маркса и Энгельса и проявилась, между прочим, в том, что они презирали геллертерскую игру в новые словечки, мудрёные термины, хитрые "измы", а просто и прямо говорили: есть материалистическая и идеалистическая линия в философии, а между ними разные оттенки агностицизма. Потуги найти "новую" точку зрения в философии характеризуют такое же нищенство духом, как потуги создать "новую" теорию стоимости, "новую" теорию ренты и т.п.» [\[5, с. 143\]](#).

Разве могла бы подняться очередная волна нападок на материалистическое учение, если бы имело место ясное осознание такой его функции в научной деятельности, как быть средством выявления и осознанного учёта закономерностей существования именно такого мира, который познаётся человеком с помощью органов чувств и приборов? Сейчас же имеет место ситуация, когда материалистическое решение ОВФ, свидетельствующее об осознанном выборе материалистической позиции, не оказывает сколько-нибудь заметного влияния на результаты научной деятельности. Что очевидным образом играет на руку противникам материализма. Но, спрашивается, как осознанность выбора материалистического мировоззрения может оказать влияние на ход мыслей учёных, если они были материалистами и до такого выбора (стихийно исходя в своей научной деятельности из признания независимого ни от какого сознания внешнего мира, проявляющего себя путём воздействия на органы чувств и приборы), а их осознанный выбор этой мировоззренческой позиции не дополняется осознанным и неуклонным следованием принципу материалистического монизма, заставляющему проверять каждую мысль на её соответствие материальной обусловленности абсолютно всех наблюдаемых и изучаемых человеком явлений?

Но, говоря о предназначении материалистической философии, хотелось бы коснуться и поднятого В. И. Лениным вопроса о партийности философии. При этом в свете сказанного борьба между материалистами и идеалистами предстаёт прежде всего как борьба между теми, чей прирождённо-стихийный материализм превращается на уровне философских суждений о мироустройстве в осознанный материализм, и теми, чей «повседневный» материализм на уровне таких суждений уступает место философскому

идеализму. Это борьба не интересов различных классов, не прогрессивных и консервативных слоёв общества, не коммунистической и буржуазной идеологии, а верного и ошибочного философского представления о происхождении чувственно данной человеку реальности. Причём без соответствия философских суждений тому или иному из этих представлений не обойтись. И только в этом смысле «новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад» [там же, с. 348]. При этом «борющимися партиями по сути дела, прикрываемой гелертерски-шарлатанскими новыми кличками или скудоумной беспартийностью, являются материализм и идеализм» [там же]. А потому несомненно правы те, кто утверждает: «Диалектический материализм как философское мировоззрение по определению шире любых политических взглядов, убеждений и позиций; он несводим к интересам какого-либо общественного класса, политической партии или узкой группы людей» [12, с. 143]. Однако, признав особый характер философской партийности, приходится признать и то, что все философии, альтернативные материалистической, следовало бы называть в диалектическом материализме не «буржуазными» (хотя поводы для этого и были), а «ошибочными ввиду их несоответствия мировоззренческому условию выживания человека и человечества». И от того, что в XX веке материалистическую философию активно развивали, пропагандировали и считали своей прежде всего коммунисты (проявляя тем самым свою мировоззренческую последовательность и прозорливость), она тоже не перестала быть такой философией, которая отталкивается от единственно верной для всех людей и эпох мировоззренческой позиции и потому объективно претендует на роль общечеловеческой философии. К тому же, записываться в материалисты вовсе не требуется. Достаточно быть последовательным в своём прирождённом, «богом данным» материализме.

О мировоззренческой уязвимости основных идей неклассической физики.

Среди критиков неклассической физики имеет место мнение, будто «...отрицание объективной реальности является одним из важнейших исходных положений и теории относительности, и квантовой механики, его открыто провозглашают на соответствующих страницах соответствующих учебников» [13, с. 2]. Однако согласиться с таким мнением мешает то обстоятельство, что ни в теории относительности, ни в квантовой механике отрицание объективной реальности всё же не постулируется, не является составной частью этих учений. Более того, создатели и сторонники этих учений уверяют всех в том, что в этих учениях представлен именно объективный мир, познаваемый с помощью органов чувств и приборов: в одном случае - при скорости движения, близкой к скорости света, а в другом – на уровне микромасштабов. Но что примечательно, при этом вопрос о том, *а может ли* этот мир быть таким, никем из создателей и сторонников новой физики по настоящему даже не поднимался. И не удивительно, ибо возникнуть этот «метафизический» вопрос мог в головах только тех, у кого имелось достаточно ясное представление о том, какова общая основа такого мира, и что от неё в нём зависит. А такого представления ни у кого из них не было.

Например, А. Эйнштейн, будучи одним из основателей новой физики, в своей книге «Физика и реальность» [2] отождествлял познаваемый человеком мир с реальностью, не давая при этом никакого определения реальности. А ведь реальность человека – это вовсе не внешний мир, вера в существование которого, как подчёркивал Эйнштейн, лежит в основе всего естествознания. Как показано в статье [8], по своей сути человеческая реальность представляет собой *субъективно выраженный продукт активной отражательной деятельности человеческого мозга*, от которого он, мозг, отталкивается в своей управленческой деятельности, нацеленной на приспособление к

внешнему миру. Т.е. реальность человека представляет собой нечто, возникающее и существующее (в субъективной форме выражения) лишь в голове человека. При этом объективная реальность человека отличается от его субъективной реальности тем, что представляет собой такой продукт отражательной деятельности человеческого мозга, в котором отражены свойства, характеристики и закономерности того, что существует вне и независимо от деятельности самого мозга (имея природную, материально обусловленную форму выражения). А как выявлено автором в статье [\[3\]](#), те словесно выраженные реальности, которые представлены содержанием специальной и общей теорий относительности (СТО и ОТО), необходимому условию объективности реальностей не соответствуют.

Как следует из воспоминаний самого Эйнштейна, приведённых в указанной выше книге, он пришёл к идее универсального постоянства скорости света отнюдь не путём обобщения соответствующих наблюдений и опытов. Вначале была идея, ждущая соответствующих фактов, её подтверждающих. И они не заставили долго ждать себя. Опыты Майкельсона, подтверждавшие независимость скорости света от направления движения Земли, были тут же преподнесены как доказательство истинности указанной идеи. А то, что результаты этих опытов имеют и другие объяснения, и что из универсальности провозглашённого постоянства скорости света неизбежно вытекает зависимость скорости движения, длин и длительностей от выбора наблюдателей (или, что то же самое, «систем отсчёта»), Эйнштейна несколько не смущало и не могло смутить, поскольку, не учитывая материальность познаваемого человеком мира, он не мог учесть и всё то, что из неё вытекало и чему противоречила эта зависимость. Не пойдя в материалистичности своего научного стиля мышления дальше стихийного признания объективности познаваемого мира, Эйнштейн был далёк от осознания всех тех закономерностей этого мира, которые предопределены его материальностью как основой его объективности и познаваемости. В этих условиях Эйнштейн оказался в ситуации, которую можно назвать фактологическим самообманом (и которая, как будет показано ниже, типична для всей неклассической физики). А в результате спор о специальной теории относительности уже давно переступил рубеж столетия, тогда как ошибочность этой теории можно было обнаружить ещё на этапе её создания путём проверки на соответствие её содержания признанию той основы мира, которой обеспечивается его объективность и познаваемость. Но столь же подробно показана в указанной статье мировоззренческая несостоятельность и общей теории относительности, позволившей Эйнштейну утверждать, будто «пространство, образно говоря, берёт сейчас реванш и "съедает" материю» [\[14, с. 243\]](#). А потому перейдём далее к философскому анализу такой мировоззренчески проблемной части современной физики, как квантовая механика.

Как отмечает философ В. П. Бранский в книге «Философия физики XX века», «...основная идея квантовой механики заключается в том, что движение микрообъектов качественно и притом радикально отличается от движения макрообъектов: если любой макрообъект всегда движется по некоторой траектории (например, Земля движется вокруг Солнца по эллипсу), то движение микрообъекта **не имеет траектории** (например, движение электрона в атоме водорода не может быть описано с помощью представления об орбите, а может быть описано только с помощью некоторого "облака вероятности", окружающего атомное ядро» [\[15, с. 35\]](#). Но уже из слов Бранского хорошо видно, что вывод об отсутствии траектории движения микрообъектов делается на основе невозможности *траекторного описания* их движения. Т.е. характер описания движения приписывается характеру самого движения. Не имея возможности отслеживать

местоположение электрона в любой момент его существования-движения, физики просто вынуждены описывать это его движение с помощью «облака вероятности». Но нас-то интересует не то, как можно *описывать* движение, а то, как оно происходит. Происходить же движение может только в соответствии с сущностью этого явления.

А тут обратим внимание на то, что о движении какого-либо объекта можно говорить только в том случае, если происходит смена его местоположения, смена мест его существования. Из чего следует, что *сущностью движения является смена мест существования*, которая осуществляется движущимся объектом путём превращения своего текущего местоположения из одного в другое. А это значит, что движение любого объекта неотделимо от образования этим объектом очередности сменяющих друг друга местоположений этого объекта. Но ведь совокупность таких местоположений движущегося объекта (в очередности их появления) как раз и принято называть *траекторией* его движения. А это, в свою очередь, значит, что *никакого бестраекторного движения быть не может, по определению*. Причём всё это касается и микромира, поскольку от масштаба движущихся объектов сущность движения как смены их местоположения не меняется. И разве камера Вильсона, делающая траекторию движения микрочастиц доступной прямому наблюдению, не достаточно красноречиво об этом свидетельствует?

Однако к мысли о бестраекторности движения микрочастиц физиков подтолкнули не только трудности с отслеживанием их перемещения, но и некие волновые свойства этих частиц. Как сказано в справочнике по физике, «из волновых свойств вытекает важный вывод, раскрывающий внутреннюю природу свойства микрочастиц: микрочастица (так же, как и любая волна) не имеет одновременно точного значения координаты и импульса. Это значит, что представлять движение микрочастиц по определённой траектории с определённой скоростью в каждой точке невозможно (подобно движению обычных, классических частиц), всякая волна не имеет траектории в виде геометрической линии» [\[16, с. 373\]](#). И действительно, волна не имеет траектории в виде геометрической линии. Но говорим-то мы всё же о частице. А частица тем и отличается от волны, что занимает «точечное» место в пространстве, а сменой своего местоположения образует траекторию своего движения. Иными словами, говоря о частицах, необходимо учитывать атрибуты частиц, а не волн. А с другой стороны, следует иметь в виду и то, что в новой механике речь идёт не только о частицах-волнах, но и о волнах вероятности их местоположения. Сторонники новой механики утверждают: «Если при классическом подходе волна представляет состояние движения непрерывной среды, то при квантовом рассмотрении частицы распространяются и распределяются в интерференционной картине так, будто они принадлежат некоторой волне. Как писал де Бройль, "новая механика не позволяет приписывать корпускуле положение в пространстве, которое она занимает, с полной достоверностью. Она лишь утверждает, что корпускула с необходимостью находится в той области пространства, которая занята волной. Чем больше амплитуда волны в данной точке, тем больше шансов обнаружить частицу в этой точке". В связи с этим де Бройль ввёл понятие *волны вероятности*» [\[17, с. 121 - 122\]](#).

В отношении же частиц-волн утвердилось мнение, будто «...именно этому дуализму мы обязаны тем, что точность измерений имеет естественный абсолютный нижний предел. Гейзенберг показал это на примере дифракции света... Отклонение проходящего через щель фотона означает наличие у фотона направленного вбок импульса. При этом каждой точке интерференционной картины соответствует своё значение боковой компоненты импульса... Однако никому заранее не известно, куда именно направится данная

частица. Только одно известно точно: чем меньше ширина щели, тем дальше отстоят на экране полосы интерференции. Ширина щели и боковая компонента импульса частицы обратно пропорциональны друг другу, или, иными словами, произведение этих величин постоянно. Гейзенберг показал, что оно равно постоянной Планка... Это соотношение называется соотношением неопределённостей Гейзенберга и читается так: координата и импульс микрочастицы никогда не могут быть одновременно определены с любой точностью. Чем точнее определяется координата частицы (т.е. чем меньше ширина щели), тем менее точно можно одновременно измерить её импульс (по сути дела – скорость). Постоянная Планка ставит крайний предел всем физическим измерениям. Движущаяся частица подчиняется законам не ньютоновской, а волновой механики» [там же, с. 123 - 124].

Но, во-первых, из того, что новая механика не позволяет приписывать частицам определённое положение в пространстве, вовсе не следует, что они и не занимают его. Не будем забывать, что речь идёт о частицах *материального* мира, а значит, о таких, которые проявляют своё присутствие путём взаимодействия со своим столь же материальным окружением. Но взаимодействовать с чем-либо и тем самым проявлять свои свойства и своё местоположение можно только *где-то* и *когда-то* по отношению к окружающему и происходящему. А это значит, что *все доступные наблюдению объекты обязательно локализованы и в пространстве, и во времени*. При этом, в силу материальной обусловленности и тем самым объективности всех свойств, частица, проявляющая волновые свойства, не лишается из-за этого свойств, позволяющих считать её частицей. Более того, в силу своей материальности частицы не могут страдать и какой-либо неопределённостью своих свойств и характеристик (иначе бы они «не знали» как вести себя в мире всеобщих взаимодействий). А потому и соотношение неопределённостей этим объектам тоже не указ. Тем более, что на самом деле речь в нём идёт о недостаточной определённости *результатов отражения* присущих частицам свойств и характеристик и взаимной зависимости определённости этих результатов. Это фактически зависимость *точности отражения* одной величины от точности отражения другой. Зависимость, возникающая на уровне микромира, на котором средства и способы отражения весьма существенно влияют на состояние отражаемых объектов. Отражаемые же величины, ввиду наличия у них природной формы их выражения (являющейся формой их проявления, о чём подробнее - в статье [\[10\]](#)), быть неопределёнными не могут. И только в условиях отсутствия осознания материальности абсолютно всех доступных наблюдению процессов и явлений можно утверждать ещё и то, что «соотношение неопределённостей означает отказ от детерминированности и признание принципиальной роли случайности в процессах с участием микрообъектов» [\[18, с. 129\]](#).

Во-вторых, как утверждал сам же Гейзенберг на примере дифракции света, фотоны, проходя через щель, приобретают отклоняющие, боковые импульсы, следуя которым и создают на экране дифракционную картину. А это однозначно свидетельствует о подчинённости движущихся частиц законам *ньютоновской* механики. Более того, это толкает к мысли, что именно особенностями боковых импульсов и объясняется возникающая при этом система параллельных дифракционных полос. Дело в том, что чем ближе к краю щели проходит фотон, тем сильнее приобретаемый им боковой импульс. А в том случае, если величина действующих на фотоны импульсов увеличивается не плавно, а скачками (а такая скачкообразность, «квантованность» величин как раз и присуща, по мнению физиков, микромиру), это и должно привести к тому, что проходящие через щель фотоны будут укладываться на экране неравномерно, образуя

дифракционные и интерференционные картины. И всё это нисколько не мешает фотонам быть отдельными частицами, представляющими собой микроскопические кванты электромагнитных полей (с различной частотой их превращения друг в друга), которые распространяются относительно своего источника со скоростью 300000 км/сек.

А в-третьих, вовсе не соотношение Гейзенберга устанавливает предел точности измерений. Всё, что оно устанавливает, так это *зависимость* точности измерения одной величины от точности измерения другой, оставляя за наблюдателем право выбора точности каждого из этих измерений (т.е. не устанавливая никаких ограничений точности ни для одного из отдельно осуществляемых измерений). Что же касается именно предела точности измерений, то такой предел устанавливается не чем иным, как наличием некоторой доли неоднозначности, неопределённости, размытости границ материальных тел и процессов, выражаемых самими телами и процессами (о чём подробнее - в статье [\[8\]](#)). И пространственные, и временные их границы далеко не абсолютны, не идеальны в своей чёткости, однозначной определённости. Устройство границ в материальном мире таково, что это не какие-то исчезающе тонкие и непрерывные линии или грани, отделяющие объект от не-объекта, одно состояние от другого, а *зоны перехода* от одного к другому (следствием чего является определённая доля *условности* всех приписываемых наблюдаемым объектам и процессам границ). Причём речь тут идёт о границах не только микро-объектов и процессов. Где, например, абсолютно чёткие границы (пространственные и временные) нашей галактики или солнечной системы? А где проходят «настоящие», без всякой доли условности границы Земли с её атмосферой и гравитацией? Или какого-либо облака, леса, города? Что, однако, нисколько не мешает материальным объектам и процессам ни занимать однозначно определённое место в пространстве и времени, ни однозначно определённо взаимодействовать друг с другом, подчиняясь при этом однозначным динамическим закономерностям.

По мнению же Н. Бора, в проявлениях корпускулярно-волнового дуализма и в соотношении неопределённостей находит выражение то, что он называл *принципом дополнительности*. Согласно этому принципу для полного описания квантовомеханических явлений необходимо применять по крайней мере два взаимоисключающих набора классических понятий. Формулируя этот принцип, Бор подчёркивал: «...В соответствии с самой природой квантовой теории мы должны считать пространственно-временное представление и требование причинности, соединение которых характеризует классические теории, как дополнительные, но исключающие одна другую черты описания содержания опыта» [\[19, с. 31 - 32\]](#). Что, в принципе, вполне соответствует реальному положению дел с описанием процессов микромира. Однако Гейзенберг представил принцип *описания* характеристик физических процессов в качестве принципа *обладания* этими характеристиками. Он пошёл по пути онтологизации этого принципа и утверждал: «Пространственно-временное описание процессов, с одной стороны, и классический закон причинности – с другой, представляют дополнительные, исключающие друг друга *черты физических процессов* (выделено мною – Н. П.)» [\[20, с. 51\]](#). Причём подобное понимание принципа дополнительности присуще и так называемой копенгагенской интерпретации квантовой механики, согласно которой заимствованные из классической физики динамические характеристики микрочастицы вовсе не присущи частице самой по себе. Таковы, мол, объективные свойства физических систем микромира. Если, например, над ядром не производится наблюдение, то его состояние описывается суперпозицией (смешением) двух состояний – распавшегося ядра и нераспавшегося ядра (т.е., по образному выражению Шрёдингера, кот, сидящий в

закрытом ящике, и жив, и мёртв одновременно). При этом в копенгагенской интерпретации физического смысла волновой функции физическая система перестаёт быть смешением состояний и выбирает одно из них лишь в тот момент, когда происходит наблюдение.

Однако в мире, познаваемом с помощью органов чувств и приборов, все его частицы и процессы, ввиду их материальности, обладают только такими свойствами, характеристиками и состояниями, которые присущи этим частицам и процессам в качестве неотъемлемой стороны их существования или протекания и имеют природную, материальную форму выражения-проявления. Т.е. форму, влияющую на результаты взаимодействия носителей тех или иных свойств, характеристик и состояний. А это значит, что в материальном мире все его частицы обладают всеми своими свойствами и характеристиками *одновременно* и до их наблюдения-измерения, а все его процессы не могут ни находиться «в состоянии смешения» своих состояний, ни выбирать их в момент наблюдения. К тому же, волновой функции подчиняется не само поведение отдельных частиц или процессов, а всего лишь статистика их поведения, что не одно и то же. Ведь на самом деле волновая функция (выражающая «волны вероятности») по своей сути представляет собой всего лишь *средство угадывания* того или иного местоположения частицы или состояния системы, поведение которых, ввиду их материальности, диктуется только материальными взаимодействиями и тем самым только однозначными динамическими закономерностями. Следовательно, согласиться с принципом дополнительности можно лишь в таком его понимании, которое связано с возможностями всего лишь *отражения* различных свойств или характеристик микромира, а не обладания ими.

Причём на ошибочную интерпретацию результатов наблюдений за поведением микрообъектов указывалось давно. Так, академик АН СССР В. Ф. Миткевич подчёркивал: «Основная ошибка, которую делают некоторые наши физики, занимающиеся вопросами квантовой механики, заключается в том, что они недостаточно критически относятся к явно махистским теоретико-познавательным установкам Бора, Гейзенберга и других зарубежных физиков. А эти установки, как известно, основаны на *принципиальном* отрицании возможности рассматривать всякий микрофизический объект как объект, реально существующий в пространстве и времени совершенно независимо от наблюдающего субъекта и вообще от каких бы то ни было вспомогательных наблюдательных приборов. Речь в данном случае должна идти вовсе не о том, умеем ли мы или не умеем достаточно точно установить локализацию в пространстве и времени того или иного микрофизического объекта, изучаемого нами. Это – излюбленная тема физиков, идеалистически интерпретирующих соотношение неопределённости и принцип дополнительности. Речь идёт совершенно о другом, а именно о том, что всякий реальный объект – безразлично: макрофизического или микрофизического масштаба – в каждый данный момент времени обязательно и безусловно должен занимать определённое место в пространстве, т.е. должен иметь совершенно определённую пространственно-временную локализацию. Если что-либо *принципиально* не может быть локализовано в пространстве и времени, следовательно, это "нечто" не существует объективно-реально вне нашего сознания и независимо от нашего сознания, а представляет собой фантастический вымысел идеалистического характера, могущий служить лишь предметом псевдофизических спекуляций» [\[21, с. 101\]](#). Как видим, приведённая критика теоретико-познавательных установок новой физики опирается на твёрдую уверенность в невозможности объективного существования «реального» объекта без его пространственно-временной локализации. Но почему у материалиста речь идёт о «реальном», а не о «материальном» объекте и о всём том, что из его материальности

вытекает? Вместо этого выдвигается обвинение в якобы идеалистической интерпретации соотношения неопределённости и принципа дополнительности. Обвинение, для которого нет оснований, поскольку формально сторонники новой физики тоже исходят из признания мира, существующего независимо ни от какого сознания. Поэтому на самом деле эта их интерпретация не идеалистическая, а неявно противоречащая такой общепринятой аксиоме всего естествознания, как признание мира, независимого ни от какого сознания. Однако для обнаружения таких противоречий как раз и не хватало ясного осознания неразрывной связи объективности мира с его материальностью. Как и осознания того, что присущая стихийному материализму позиция признания внешнего мира не мешает появлению таких представлений о нём, которые несовместимы с признанием его материальности.

И тем не менее, поскольку указанные противоречия не лежали на поверхности, то большинство философов всё же поверило в новые возможности познаваемого человеком мира, якобы открытые новой физикой. Например, В. П. Бранский утверждает: «В истории науки известны случаи, когда новые фундаментальные теории возникали на основе решения... довольно "наивных" вопросов. Так, в XVI в. был поставлен "наивный" вопрос: как будет выглядеть мир, если наблюдатель окажется на Солнце? ...Ответ на него привёл к созданию гелиоцентрической системы Коперника. В конце XIX в. появился ещё один "наивный" вопрос: как будет выглядеть мир, если наблюдатель будет двигаться со скоростью света? ...Как известно, ответ на этот вопрос послужил поводом к созданию СТО. Вполне естественно, что в конце XX в. возник третий "наивный" вопрос: как будет выглядеть мир, если наблюдатель уменьшится до "размеров" элементарной частицы?» [\[15, с. 231 - 232\]](#). Однако на самом деле познаваемый человеком мир ввиду его материальности совершенно одинаков для всех наблюдателей, независимо ни от их местоположения, ни от их скорости, ни от их размеров, ни от их средств и методов его отражения. А потому ошибочна уже сама формулировка вопроса, допускающая возможность такой зависимости.

Как пишет академик Фок В. А., «основная черта классического способа описания явлений состоит в допущении полной независимости физических процессов от условий наблюдения... Квантовая механика показала, однако, что в случае микропроцессов это будет уже не так; там самая возможность наблюдения предполагает наличие определённых физических условий, которые могут оказаться связанными с сущностью явления» [\[22, с. 9-10\]](#). Однако, как представляется, на самом деле они, во-первых, не «могут» оказаться связанными с сущностью явления, а *обязательно* связаны с ней. Физические условия явления *должны* содержать причину этого явления, иначе бы оно не возникло. Но в причине явления как раз и скрывается его сущность. А во-вторых, то же самое имеет место и в хорошо знакомом человеку макромире. Просто в нём условия наблюдения складываются в основном естественным путём (порождая тем самым *иллюзию* независимости макропроцессов от условий наблюдения). Таким образом, мы вынуждены признать: да, наблюдатель микромира видит в нём прежде всего то, что порождается созданными самим наблюдателем условиями наблюдения. Но это совсем не значит, что микромир качественно отличается от макромира. Высокая чувствительность микропроцессов к условиям наблюдения отнюдь не делает их менее материальными и тем самым менее подчинёнными господствующим во всём материальном мире закономерностям.

Что же касается фактов, лежащих в основе неклассической физики, то следует иметь в виду и следующие: никто никогда не измерял скорость движения одного и того же луча света относительно сразу нескольких систем отсчёта, однако это нисколько не помешало

провозглашению принципа универсального постоянства скорости его движения и априорному (т.е. с опережением фактов) признанию всех странных даже для самих физиков следствий этого принципа; никто никогда не измерял силу воздействия «изогнутого пространства» на поведение материальных объектов, однако это нисколько не помешало провозглашению и признанию ОТО, допускающей такое воздействие; никто никогда не измерял время в единицах измерения пространства, однако это нисколько не помешало провозглашению и признанию единого пространства-времени (при этом не следует путать процесс измерения с процессом вычисления); никто никогда не измерял силу воздействия «волн вероятности» на поведение каких-либо материальных объектов, однако это нисколько не помешало приписыванию вероятности функции детерминанта поведения таких объектов и процессов; никто никогда не наблюдал бестраекторного движения, однако это нисколько не помешало провозглашению возможности такого движения.

Принято считать, что новая физика появилась с появлением новых, революционных идей о мироустройстве. Но разве идея Коперника о гелиоцентричности солнечной системы не была революционной? Или не были революционными идеи, заставившие отказаться от понятий флогистона и теплорода? На самом деле, как видно из данного исследования, к новой физике привела не просто революционность новоявленных идей, а такая их революционность, которая заставила отказаться от стихийно выработанных классической физикой общих представлений о познаваемом человеком мире, «исподтишка» ограничивавших творческое воображение физиков-теоретиков рамками соответствия материальности этого мира. О какой постоянно подчёркиваемой преемственности между новой и старой физикой может идти речь, если основные идеи новой физики несовместимы с признанием той основы мира, в соответствии с которой строилось всё здание классической физики? Физика оказалась на пути заблуждения, мировоззренческого. А помочь ей в этой ситуации может только философия, причём именно материалистическая, поскольку только она позволяет физикам отталкиваться от установленных ими фактов в том направлении, которое соответствует общей основе мира, познаваемого с помощью органов чувств и приборов. По иронии истории науки, идеи именно самих физиков оказались той «метафизикой», которой, по мнению Ньютона, физике следовало бояться. Универсальное постоянство скорости света, зависимость длин и длительностей от выбора наблюдателей, возможность измерения времени в метрах, единое пространство-время, искривление этого пространства-времени, бестраекторное движение, неопределённость свойств и характеристик, так называемое смешение состояний, вероятностная форма детерминизма – всё это конкретные примеры таких идей. Это шаги в сторону заблуждения, поскольку всё это несовместимо с признанием внешнего, материального мира, тогда как соответствие такому признанию является важнейшим условием жизнеспособности всех живых существ. Мировоззренческим.

Заключение.

Главный вывод проведённого философского исследования состоит в том, что обойтись без материалистического мировоззрения невозможно. Ни в повседневной жизни и практической деятельности, ни в науке. А потому перспективы присутствия этого мировоззрения в человеческой жизни – безграничны. Но это значит, что столь же безграничны перспективы и соответствующего учения. Причём это касается и *исторического* материализма как учения о закономерностях устойчивого функционирования и развития таких материальных систем, которые представлены сообществом разумных существ. Однако, говоря об учении материализма, всё же

следует иметь в виду и то, что (перефразируя отмеченную Лениным в «Философских тетрадах» мысль Гегеля о взаимоотношениях логики с процессом мышления [\[23, с. 79\]](#)), материализм учит правильному мировоззрению не более, чем физиология учит правильному перевариванию.

Как было показано, быть в повседневной и практической жизни материалистом, т.е. признавать мир, независимый ни от какого сознания, человека научил естественный отбор. Но для того, чтобы искать причины явлений в свойствах и закономерностях этого мира, а не какого-либо сознания, важно быть материалистом и в научной деятельности. А тут, особенно на теоретическом уровне, материалистичность позиции должна выражаться признанием не только объективности этого мира, но и его материальности, поскольку общие закономерности проявления всех проявляемых в нём свойств и характеристик предопределены именно ею.

Что же касается борцов за освобождение науки от «догм материализма», то они просто не видят того, что такое освобождение лишает её теоретическую область возможности осознанного учёта тех закономерностей познаваемого человеком мира, которые предопределены самим фундаментом этого мира. А ещё они не видят ни того, что выбирать определённую мировоззренческую позицию человека заставляет вовсе не ОВФ, а инстинкт самосохранения; ни того, что в форме ОВФ человек получает возможность всего лишь осознанного выбора этой позиции; ни того, что игнорирование этого вопроса в теоретической деятельности порождает в ней ситуацию мировоззренческой дезориентации, чреватую научными заблуждениями. А потому не видна им и вся глупость, бессмысленность и бесперспективность их борьбы с материалистическим учением, ибо приспосабливаться человеку приходится именно к материальному миру.

Чего действительно недоставало диалектическому материализму, как следует из данного исследования, так это более убедительного обоснования принципа материалистического монизма (для чего, как было показано, требовалось более точное, более широкое и глубокое, по сравнению с антропоцентрично-сенсуалистичным, определение материи). Без этого провозглашённый диалектом принцип не вызывал достаточного доверия и не стал общепризнанным ориентиром ни при решении научных проблем, ни при создании научных теорий. На переднем плане материализма оказалась диалектика. Учение, сутью которого является, согласно ленинским высказываниям, «раздвоение единого и познание противоречивых частей его» [там же, с. 316]. При этом, поскольку в познаваемом мире, несомненно, имеются и противоположности, дополняющие друг друга и неотделимые друг от друга (он, например, и един, и множествен, а общее в нём содержится в конкретном, единичном), то обогащение материализма диалектикой как искусством учитывать присущие миру противоположности было важным и необходимым шагом в развитии этого учения. Однако при этом указанным противоположностям (с их «тождеством и борьбой») была придана в этом учении несвойственная им роль *«источника самодвижения всего сущего»* [там же, с. 317]. Что, как представляется, было опрометчивым шагом, поскольку имеются достаточно веские основания считать, что все изменения в мире происходят не из-за противоположностей или противоречий, а из-за *взаимодействий* (например, два тела притягиваются друг к другу не потому, что они находятся друг против друга или соединяют в себе общее с конкретным, единичным, а потому, что взаимодействуют, обладают силой притяжения). К тому же имеется основание утверждать, что в самом мире никаких противоречий не может быть по определению, ибо противоречивыми принято считать такие утверждения, в которых совмещается то, что в самом мире принципиально несовместимо; то, что связано

взаимоисключающим отношением «либо одно, либо другое». Поэтому в действительности противоречия присущи не самому миру, а в чём-то ошибочным представлениям о нём (противоречиво, например, не движение, как это принято считать, а такое представление о нём, в котором движение объекта предстаёт как его движение относительно его собственных мест и моментов существования, тогда как на самом деле он не двигается и не покоится в них, а *превращает* своим движением относительно других объектов одни свои текущие места и моменты своего существования в другие. И никакой «противоречивости движения», как это подробно показано в статье [\[10\]](#), при этом не наблюдается). А всё это значит, что сложившееся в материализме в условиях антропоцентричного, сенсуалистичного определения материи представление об источнике самодвижения познаваемого человеком мира необходимо скорректировать. Таким источником являются не *противоположности* этого мира (при всей важности их учёта), а его *материальность*, проявляющаяся во всеобщем взаимодействии, взаимовлиянии и тем самым взаимоизменении. Необоснованное же возведение изучаемых диалектикой противоположностей в ранг источника самодвижения материи привело к тому, что место *реальной* причины всех природных процессов оказалось в материалистическом учении занятым *кажущейся* причиной этих процессов. Более того, при этом сама материальность познаваемого человеком мира оказалась заслонённой в диамате диалектичностью этого мира и произошло общее смещение «центра тяжести» материалистического учения в сторону вопросов диалектики. А в результате главный и неисчерпаемый эвристический потенциал этого учения так и не был раскрыт в полную меру, а философы-материалисты оказались на поводу у таких «диалектичных» идей новой физики, которые принципиально несовместимы с основой материалистического учения.

«Сотни и тысячи раз объявляли материализм опровергнутым и в сто первый, в тысяча первый раз продолжают опровергать его поныне» [\[5, с. 20\]](#). Эти слова были сказаны более ста лет назад, но полностью применимы и к сегодняшней ситуации. Ведь от того, что сегодня нападкам подвергается в основном лишь марксистско-ленинская форма материалистического учения, суть дела не меняется, ибо и в этом случае острие критики направлено не на уточнение материализма, а на отказ от него, пусть и смехотворный, поскольку и сегодня этот отказ сопровождается глубокой и неискоренимой приверженностью абсолютно всех людей материалистическому мировоззрению, мировосприятию, за которым скрывается подтверждаемое всем опытом человечества единственно верное решение Основного Вопросы Жизни. Оно, кстати, и является бессмертной душой материализма.

Библиография

1. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т. 4. М. 1967. С. 600.
2. Эйнштейн А. Физика и реальность. М. 1965. С. 359.
3. Попов Н. А. Философский анализ специальной теории относительности на соответствие её содержания необходимому условию его объективности // Философия и культура. – 2023. № 2. – С. 49 – 75. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.2.39819
4. Философская энциклопедия. М. Т. 3. 1964. С. 584.
5. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. М. 1969. С. 392.
6. Философский словарь. М. 2009. С. 845.
7. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20. М. 1961. С. 1 – 338.
8. Попов Н. А. Однозначный детерминизм в плену иллюзорных представлений // Философия и культура. – 2021. № 2. – С. 12 – 42. DOI: 10.7256/2454-0757.2021.2.34741
9. Левин Г. Д. Материализм // Новая философская энциклопедия. М. Т. 2. 2010. С. 508 –

509.

10. Попов Н. А. Сущность времени и пространства в свете отражательной активности человеческого мозга // Философия и культура. – 2020. № 1. – С. 15 – 38. DOI: 10.7256/2454-0757.2020.1.31713
11. Попов Н. А. Информатика и информационное видение мира с позиции принципа материалистического монизма // Философия и культура. – 2022. № 2. – С. 47 – 72. DOI: 10.7256/2454-0757.2022.2.37482
12. Кессиди Ф. Х. Гераклит и диалектический материализм // Вопросы философии. 2009. № 3. С. 142 – 146.
13. Игнатович В. Н. Основной вопрос философии // Экономическая и философская газета. МГУ. 16 января 2014 г. № 1. <http://eifgaz.ru/ignatovitch-1-14.htm> С. 4.
14. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т. 2. М. 1966. С. 879.
15. Бранский В. П. Философия физики XX века. Санкт-Петербург. 2003. С. 254.
16. Карякин Н. И. Краткий справочник по физике. М. Высшая школа. 1969. С. 600.
17. Линднер Г. Картины современной физики. М. Мир. 1977. С. 272.
18. Луговой А. А., Луговая О. А., Артамонова Е. В. Философия и физика. КиберЛенинка. Ciberleninka.ru/article/n/filosofiya-i-fizika-na-puti-k-dialogu С. 127 – 132.
19. Бор Н. Квантовый постулат и новейшее развитие атомной теории. Избр. науч. труды. Т. 2. М. 1971. С. 663.
20. Гейзенберг В. Физические принципы квантовой теории. М. – Л. 1932. С. 146.
21. Миткевич В. Ф. Значение книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» в современной борьбе с идеализмом в области физики // Миткевич В. Ф. Основные физические воззрения: Сб. Докладов и статей. Изд. 3-е, доп. М.-Л. Изд. АН СССР. 1939. С. 209.
22. Фок В. А. Начала квантовой механики. Изд. 2-е, доп. М. Наука. 1976. С. 374.
23. Ленин. В. И. Философские тетради. М. 1969. С. 752

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье автор возвращается к рассмотрению философского материализма как мировоззренческой позиции, возникновение которой обусловлено потребностями самой жизни, а не теми или иными аргументами теоретического характера. С последним, разумеется, следует согласиться, акцентировав внимание, однако, на том, что в рамках философии значение имеет не «правда жизни», а способность её апологетов перевести стихийное «чувство жизни» в форму теории, которая достаточно полно и правдоподобно объясняла бы и те явления (например, познания или социальности), связь которых с материальным «основанием жизни» является глубоко опосредованной. Собственно, трудность осознания и демонстрации подобной связи и порождает, как об этом довольно подробно говорили и классики диалектического материализма, противоположность материализма – идеализм. (Кстати, автор почему-то не упоминает, в связи с чем вообще идеализм во всех его разновидностях возникал в древности и воспроизводится до сих пор, в том числе, в связи с современными научными исследованиями.) Автор высказывает мнение, что в рамках диалектического материализма до сих пор не было представлено с должной ясностью то, что он называет «недостающим требованием к научным теориям»: «создаваемые на основе фактов научные теории о внешнем мире ... только в том случае будут соответствовать своим содержанием признанию объективности этого мира, если

это их содержание будет совместимо с признанием его материальности». С точки зрения рецензента, это утверждение трудно признать справедливым, ведь в знаменитом ленинском определении материи «материальность» как раз и отождествляется с «объективностью» (у Энгельса это положение не было зафиксировано столь явно). Далее автор утверждает, что диалектическому материализму не хватало «строгой последовательности в проведении линии материалистического монизма». С этим снова трудно согласиться, достаточно вспомнить известные слова Энгельса, что заслуга Маркса в философии состоит в том, что он доказал «материальность» и тех отношений, которые складываются в общественной жизни и в культуре, распространил материализм на историю и общественную жизнь. Однако автор статьи утверждает, что «на самом деле имело место всего лишь провозглашение этого принципа (принципа материалистического монизма, – рецензент), причём произошедшее как-то мимоходом, в разговоре об объективности пространства и времени и в форме, вызывающей определённое недоумение». Последние слова автора явно неуместны, никакого «недоумения» приведённые слова Энгельса не вызывали, не вполне понятно и то, что же должно было следовать за «провозглашением» этого принципа, так что было бы неплохо, если бы автор пояснил, в чём должна была состоять его «реализация». Одним словом, убеждение автора, будто классики диалектического материализма «чего-то не договорили», представляется неоправданным. Действительная проблема (и, соответственно, содержание всей материалистической философии) состоит в том, чтобы в каждом отдельном случае, на материале проблем теории познания, изучения социальных отношений, культуры, и т.д., исследовать и раскрывать сложность и конкретный характер опосредствования между «материальной основой» наблюдаемых процессов и их «духовными эпифеноменами». Несмотря на высказанные замечания, представленная статья может быть опубликована в научном журнале как выражение личной позиции автора, подчёркивающего недостаточность разработки основного принципа диалектического материализма советскими философами. Автор аргументирует свою позицию (хотя, на взгляд рецензента, и не всегда убедительно), статья отвечает основным требованиям, предъявляемым к научным публикациям. В рабочем порядке рекомендую снять замечание «шутке физиков» («если теория противоречит фактам, то тем хуже для фактов»), на самом деле, это «гегельянская легенда» о словах их мэтра, а также сократить слишком пространное заключение.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

Материализм как мировоззренческая позиция.

Статья вторая: о недостающем требовании к научным теориям и мировоззренческой уязвимости основных идей неклассической физики

Статья «Материализм как мировоззренческая позиция. Статья вторая: о недостающем требовании к научным теориям и мировоззренческой уязвимости основных идей неклассической физики», представленная автором в журнал «Философия и культура» является второй частью исследования. Автор указывает, что в предыдущей части он рассматривал материализм более широко, то есть само понятие представляется как нечто выходящее за рамки философской мировоззренческой позиции (видимо речь идет о научном подходе или так называемом «естественном»?). Хотя без прочтения

предыдущей статьи, такой вывод делать не совсем правомерно.

Автор начинает с того, что «Корни материализма лежат в мировоззренческом условии выживания живых существ, связанном с признанием внешнего, независимого ни от какого сознания мира...» и далее: «Он своими корнями уходит к вопросу, названному автором...». Какому именно вопросу? Не совсем понятно, что автор имеет в виду под «мировоззренческим условием выживания живых существ»? Возможно, «выживание» подразумевает не совсем биологический процесс, раз в статье указывается на его некое мировоззренческое условие? Мировоззренческая позиция иногда представляется автором как интуиция или непосредственное созерцание? Со слов автора: «... благодаря естественному отбору этот вопрос всеми живыми существами решается в ходе их жизнедеятельности исключительно в соответствии с материалистической мировоззренческой позицией». В таком случае и вся культура может быть только формой приспособления и выживания?

Таким образом, с самого первого абзаца возникает множество вопросов, поскольку на поверхности оказывается ряд логических противоречий, которые автор для себя определенно уже разрешил, но при этом считает необязательным вводить читателя в свой дискурс (возможно все это пояснение есть в первой части и тогда вопросы снимаются).

Основной вопрос философии, действительно не является случайным, более того, он сам давно уже стал объектом для постоянных философских дискуссий, что доказывает и статья, представленная автором. Уже одно это делает подобные исследования важным элементом публичных научных споров, позволяющих выйти на новый уровень в осмыслении проблемы. Сама проблема, очевидно, существует и в свете последних научных открытий, и особенно в том ракурсе как она представлена в учебниках и соответственно преподается студентам.

Актуальность специально не выделяется автором, поскольку это вторая часть исследования. Нет и специального пояснения относительно методологии, на которую опирается автор статьи. В работе много выделений и акцентирования внимания на отдельных словосочетаниях, подчеркивающих позицию автора, но не всегда однозначно понимаемых читателем.

Что касается цели и задач исследования, то здесь автор также высказывается неопределенно. Но можно предположить, что одной из задач в данной работе является – «осознание истоков стихийной уверенности всех людей» и необходимость прийти «к осознанию того, что представление о материи вырабатывалось на основе как раз указанных представлений о мире», при этом имеется в виду «осознание неразрывной связи объективности познаваемого человеком мира с его материальностью». В таком случае совсем не понятно, насколько естественным может рассматриваться первобытное мифологическое воззрение на мир с его поклонением духам? Их объективация также является результатом редукционного материализма? Тогда совершенно не понятно, зачем материализму так сопротивляться религиозным взглядам на мир? Достаточно признать объективность всего, что может быть непосредственно дано человеку в акте веры, поскольку для религиозного сознания присутствие этих внешних сил вполне очевидно? Возможно, основная проблема проистекает из основного тезиса автора о том, что достаточным суждением для признания всеобщности и естественности материализма является тождество «объективности и материальности». Хотя далее в статье автор именно эти понятия и разводит, указывая, на универсальность материального как всеобщего взаимодействия.

Более того, автор подчеркивает, что диалектическому материализму не хватило строгой последовательности в проведении линии материалистического монизма. Этот принцип до сих пор только провозглашался.

Раздел статьи «О мировоззренческой уязвимости основных идей неклассической физики» представлен, на мой взгляд более убедительно, здесь автор уже обстоятельно анализирует некоторые результаты современной экспериментальной науки, связывая их с важнейшими положениями метафизики. В этой части статьи автор последовательно реализует свои задачи, стремясь показать, что отсутствие ясных представлений о материальном единстве мира неизбежно ведет к недостаточности и ошибкам в процессе построения научной картины мира.

Название статьи соответствует содержанию, но можно рассмотреть сокращенный вариант. Статья логично выстроена, структурирована.

Научная новизна в работе определяется автором как попытка обосновать материалистический монизм в новом ключе, поскольку, по мнению автора, такого рода монизм до настоящего времени не был до конца определен и правильно понят. Поскольку «основной вопрос философии» — открытая площадка для научных дискуссий, постольку автор имеет полное право на обоснование собственной позиции и в этом смысле новизна в работе присутствует.

Однако складывается ощущение, что противоположная сторона, а именно идеалистическая позиция упоминается вскользь и принципиально не раскрывается автором, даже там, где полемика явно требуется. Поэтому так не хватает критического осмысления, некоторых классических положений идеализма, с необходимостью переключающих нас из области онтологии в сферу познания.

Возникает и еще ряд вопросов к автору:

1. Предполагается ли, что материализм действительно всеобщий и единственный монизм в области мировоззрения, который является естественным воззрением на мир и охватывает все человечество без исключения? В этом случае утверждения автора звучат как констатация факта, но лишены какой-либо аргументации, они предстают, на мой взгляд, не совсем убедительно. Либо автор имеет ввиду, что признание объективного мира, с которым субъект восприятия сталкивается на чувственном уровне уже является самодостаточным доказательством? Не остаемся ли в таком случае все еще на позиции упрощенного сенсуализма, который так стремился преодолеть диалектический материализм?
2. Насколько правомерно рассматривать материализм, противопоставляя его философский и научный смысловой контекст?
3. Автор периодически заявляет о существовании «Основного Вопросы Жизни», но не раскрывает смысл, который он вкладывает в него.
4. Заявленный редукционизм в исследовании материальных процессов не дает развиваться современным построениям в области гносеологии.
5. Признание материалистического монизма как следствие его научной обоснованности или его естественного (обыденного, стихийного) происхождения? Другими словами, связывает ли автор принятие того или иного основания для мировоззрения с рациональным обоснованием или рассматривает его как простое непосредственное убеждение?
6. Когда автор пишет о свойствах материальных объектов, он имеет в виду природу? макромир? «Именно материальность как свойство проявлять своё существование путём взаимодействия и взаимного изменения и как раз и позволяет им «определять всё своё поведение» совершенно независимо ни от какого сознания и при этом «сообщать» о своём существовании познающему мир субъекту». Таким образом, данное свойство на уровне микромира теряется?

Заключение, в котором автор излагает свои основные выводы, на мой взгляд, очень громоздкое и содержит не только обобщения по тексту, но и дополнительные рассуждения (например, на тему диалектики). Автор убежден, что единственно

правильное только последовательное материалистическое мировоззрение, а его перспективы безграничны. Все остальные позиции только дезориентируют, их борьба с материализмом при этом выглядит как «глупость, бессмысленность и бесперспективность» и является «научным заблуждением».

В качестве своеобразного доказательства своей позиции автор предлагает рассматривать в том числе: жизненный опыт человека, естественный отбор и инстинкт самосохранения. Далее он утверждает: «в форме ОВФ человек получает возможность всего лишь осознанного выбора этой позиции». Предшествующие определения материализма характеризуются как «антропоцентричные и сенсуалистичные». В чем безусловно, можно согласиться с автором. Однако и его позиция так называемого «материалистического монизма» вызывает не меньше вопросов.

Библиографию можно было бы расширить за счет современных и классических источников. Список литературы необходимо оформить единообразно. В тексте есть опечатки.

Не смотря на высказанные замечания и личное несогласие с рядом утверждений автора, считаю, что данная тема имеет хорошие перспективы и может быть интересна для широкого круга аудитории. Работа, на мой взгляд, требует формальной доработки, но при этом, несомненно, актуальна и может быть предметом научной дискуссии.